

СОРОК ОДНА ПУЛЯ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

ЧАСТЬ 1

19 февраля 1861 года был обнародован долгожданный Манифест Государя Императора Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Крестьяне возлагали на этот манифест большие надежды. Но главные их чаяния: воля и передача земли в собственность немедля и прямо сейчас, были жестоко обмануты. Дело в том, что для полного освобождения крестьян и наделения их земельными наделами, причем не бесплатно, а за определенный выкуп, отводился временной период длиною в два года. Согласно прилагаемых к манифесту общих положений крестьяне были обязаны на этот срок оставаться в полном повиновении помещиков и исправно работать на них три дня в неделю – мужчины и два дня - женщины. И поэтому, когда крестьянам был зачитан манифест, дарующий свободу, и общие положения эту свободу ограничивающие и отодвигающие ее на долгие два года, разочарованию их не было предела. У многих возникли естественные сомнения, что Государь-батюшко даровал им волю и землю, а власти на местах и помещики давать их не желают и обманывают народ.

К тому же в селах и деревнях Российской империи некоторые не особо грамотные священники и чиновники, не уловившие тонкостей переходного периода, изложенных в общих положениях манифеста, трактовали его крестьянам по своему.

Так, к примеру, священник села Степановки Городищенского уезда Пензенской губернии Василий Степанович Париjsкий 27 марта 1861 г.

выговаривал старосте того же села Степану Герасимову за то, что тот отправляет крестьян на господские работы, потому что «барщина окончена и народ свободен от всего, а господа от них это скрывают». Староста предложил священнику самому объявить об этом народу, на что священник ответил, что это не его дело.

Приходский дьякон села Лады Саранского уезда Пензенской губернии Иван Михайлов распространял слухи, что помещики обязаны будут отдать крестьянам всю землю, которой они пользуются, бесплатно.

2 мая 1863 года в с. Зыкове Саранского уезда Пензенской губернии волостным старшиной был пойман грязного вида человек, объявлявший крестьянам новую волю. Человек этот был отставной губернский секретарь Константин Иванов Нявкин, некогда служивший в Саранском земском суде, а теперь ставший бродягой. На постоялом дворе в селе Зыково он при скоплении народа объявил, что «ныне благополучно Царствующий Государь-Император скончался и крестьянам вышла чистая воля, в Голицыне она уже объявлена и сюда едут объявлять. Дадут вам даром в каждом поле землю по три десятины на душу и никакие повинности не будут взыскивать». За крамольные речи Нявкин был взят под стражу и отправлен в тюремный замок.

А чиновник Пензенского губернского правления Г. Стеклов не только превратно толковал положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утверждая, что начальство толкует его в пользу помещиков, а он говорит правду, но и брал за каждое свое толкование с крестьян деньги по 50 копеек.

Необдуманные слова пастырей пали на благодатную почву, и по помещичьим имениям Пензенской губернии покатилась волна недовольства.

Выражалась эта волна протesta в основном в отказах крестьян выходить на господские работы. В таких случаях приезжал исправник, объяснял крестьянам их новые права и обязанности, народ успокаивался и приступал к работе.

Но в некоторых случаях для усмирения крестьян пришлось прибегнуть к помощи войск.

22 марта 1861 г. в имении коллежского асессора Леонида Александровича Михайловского-Данилевского в селе Чемодановке крестьяне приехали на Чемодановский винокуренный завод за бардой, желая получить ее бесплатно, и, окружив ларь в котором она находилась, не давали брать ее для господского скота. Они не пожелали исполнить требование смотрителя завода и старосты отъехать от ларя, а когда староста по приказанию смотрителя рассек несколько обрущей на бочке у съехавшихся за бардой крестьян, вся толпа бросилась на смотрителя и старосту и, окружив их, начали ругать, толкать и грозились побоями.

На самом винокуренном заводе работники самовольно ушли с завода по домам, да еще и спустили брагу из ларя в кубы, нанеся этим огромный убыток. Завод пришлось закрыть. Оброк крестьяне также отказались платить.

8 апреля 1861 года в Чемодановку для усмирения беспорядков был отправлена 1ая Стрелковая рота 16 пехотной дивизии под командованием штабс-капитана Тарловского.

Сначала рота прибыла «для проведения экзекуции» в имение господ Дубенских, что располагалось в 5ти верстах от Чемодановки. Это обстоятельство оказало на крестьян сильное влияние. На следующий день, 16 апреля, уже было собрано более 700 рублей серебром оброка, и крестьяне вернулись к исполнению своих обязанностей.

Такая же история произошла и с крестьянами, работавшими на суконных фабриках господ Дубенских в том же Городищенском уезде, после выдачи им положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости они заявили, что «сделавшись лично свободными не считают себя обязанными исполнять в настоящее время назначенные в положении господские работы». Приехавший в село Никольское на суконную фабрику пристав по требованию работников самолично читал и объяснял им положение о крестьянах, стоя на крыльце конторы, чтобы успокоить народ. К нему

приставили двух грамотных крестьян, чтобы они следили за тем, правильно ли он читает, но все равно не верили ему, полагая, что чтец что-то специально упускает в тексте. В конце концов пристав посчитал, что народ успокоился, и довольный собой зашел в контору. Но не тут-то было, рано он обрадовался. Хмельной дух свободы плохо выветривается из горячих голов. Не прошло и пяти минут, как вновь раздались шум и брань. Крестьяне самовольно сменили сотника, отняли у него сотнический знак и передали его другому, избранному среди них. На основании этого пристав доносит, что «народ в деревнях Александровской и Никольской находится в самом возмутительном положении и после сделанного им с приставом буйства решительно до усмирения их опасается въехать в ту деревню».

В деревню были введены две стрелковые роты Владимирского полка, которые произвели «экзекуцию над зачинщиками», а четырех главных из них отправили для проведения следствия в Городищенский тюремный замок, еще трое, чувствуя свою вину, скрылись из деревни. Когда на следующий день роты прибыли в д. Александровку, главные виновники все скрылись до прихода войск, но на следующий день сами явились в с. Чемодановку с повинной и были наказаны, но «в малых размерах».

По Краснослободскому же уезду Пензенской губернии прокатилась волна поджогов. Подпалив тайно одну усадьбу, и, не понеся за это никакого наказания, крестьяне сожгли еще одну. Виновных снова не нашли. Потом заполыхал хлеб на гумне у третьего помещика, хозяйственные постройки у четвертого и рига с молотильным сараем у пятого.

Но все эти страшные события были цветочками по сравнению с теми ягодками, что вызрели в Чембарском и Керенском уездах нашей толстопятой губернии.

Толчком к бунту так же послужило неправильное толкование приходским священником села Студенки Чембарского уезда Федором Померанцевым Манифеста от 19 февраля. Он уверял крестьян, что в нем ничего не сказано о работах в пользу господ. Чембарский уездный

предводитель дворянства вызвал священника в г. Чембар и просил его, чтобы он, созвав крестьян, объявил им о своем заблуждении, но священник, «по обыкновению своему пьяный», объявил крестьянам, что с ним «не могли ничего сделать в г. Чембаре» и продолжал настаивать на своем.

Это возымело воздействие не только на крестьян села Студенки, но и на все соседние с ним имения. Крестьяне с. Черногай вотчинной конторы графа Уварова заявили, что на полевые и господские работы они не пойдут, ибо об этом в манифесте ничего не сказано. Народ в соседских имениях работу пока исполнял, но с нетерпением ждал, чем же закончится затея черногайских бунтовщиков.

Вскоре отказались от господских работ и крестьяне села Починок, заявив, что «пусть прежде черногайские пойдут». Черногайские же сменили неугодного им прежнего старосту и печатника и прогнали от господских овец овчаров. Вскоре к «забастовке» присоединились и крестьяне села Воловай.

«Пламя народного гнева» из деревни Черногай молниеносно распространилось в села Покровское, Высокое и деревни Петровская, Ивановская, Екатериновка, Кулеватова, Аршуковка и во все вотчины графа Уварова. По всем дорогам были расставлены крестьянские караулы. Управляющие всех этих имений в страхе разбежались.

В рапорте священника села Покровского Ефима Глебова вот как описаны пережитые им страшные события:

«... сего апреля 5го дня я был между жизнию и смертию, и более близок к смерти по следующему случаю: после литургии часа в 2 по полудни к моему дому приступила толпа разъяренной черни человек сот пять или более, все господина Веригина крестьяне села Петровского, Ивановки и Екатериновки, кричат, бранятся, рвут, сквернословят, требуют волю, волю решительную, совершенную независимую от помещика и не от кого, подай, сейчас же подай. Мои уверования и убеждения оказались бессильными, никуда не годились... ныне же подай, а то на 20 лет опять останемся барскими. Что

ни говорил в ответ слышим лишь одно: вресь со всеми бранными выражениями и скверными ругательствами, убьем, зарежем, задушим... Вот в селе Высоком пришла воля, и они теперь вольные.

Тут был один старик высокинский, главный начальник бунта, имя его я не знаю, но по всему видно, что он усерднейший пособник сатаны, подходят ближе, подступают плотнее, разбивают двери, растворяют, кричат, бранят, сквернословят, входят в комнату в шапках, требуют настоятельно: «Подай, сей час подай, по клочку разорвем». Защиты мне не было ни от кого, за меня никто слова не сказал. Наконец кто-то сказал: «Ну, когда нет у него, взять с него расписку. От наших рук не уйдет». Сел, написал и отдал им в руки расписку в том, что в Покровской церкви указа об увольнении крестьян от помещика ныне же никакого нет. Расписка эта теперь у них... далее бунтовщики отправились в вотчинную контору, избили там бурмистра и конторщика, а управляющего дома не было, по клочку разорвали бы... Были у него в доме в шапках же, комоды, ящики, сундуки перерыли, волю искали, и в настоящее время везде расставлены караулы, ожидают приезда управляющего... Из конторы опять пришли ко мне, привели с собою бурмистра и конторщика, избитых жестоко, злость их приметно еще более усилилась, подошли к моему дому, обступили вокруг, выходу из дому не дают, ожидают старика, начальника бунта; подходит старик и говорит: «Погодите, ребята, схожу в шинок, выпью винца, и тогда попа задушим». Сходил, выпил, приходит и вот пьяный разъяренный, точно сумасшедший, а за ним все как безумные вызывают меня на улицу... Я было вышел, посмотрел на них, ...а дьячок мой что-то сказал старику, он его ударил кулаком в лицо, и у него потекла кровь... Видя такую беду я воротился в комнату и обратился с молитвою к Божьей матери и в ожидании смерти читал акафист... Домашние мои все молились и плакали... бунтовщики снова растворяют двери... Старик, пьяный, злой, вырвал у меня книгу, бросил на пол, говоря: «Ты, пожалуй, всю ночь будешь молиться, нечего глядеть на тебя».

ЧАСТЬ 2.

Толпа попыталась вытащить священника во двор для скорой расправы, но тот упорно сопротивлялся, и крестьяне оставили его в покое, пообещав задушить на следующий день. В 8ом часу вечера толпа, ушедшая от дома священника, разграбила весь господский скот.

На следующий день священник, едва воротившись с обедни, был снова призван крестьянами для чтения манифеста. Читали несколько раз, читал конторщик, читали сами крестьяне, кто грамоте разумел, но никакой «полной воли» в манифесте не увидели. В Высоком к манифесту был подшип указ, поэтому там оказалось на один лист больше. Снова раздались крики: «Бей попа! Тут листы выдраны, где написано: ни дня, ни минуты барину не будут работать, а податей Царь с нас не будет брать 20 лет. Земля вся нам, леса, луга, господские строения все наше».

7 апреля 1869 года становой пристав Кандагаров прибыл в село Кандиевку Керенского уезда – имение статского советника Сергея Сергеевича Волкова, для передачи крестьянам экземпляра положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. На площади у церкви был собран сход. Народа собралось более 400 человек. Прочитан был манифест и статьи из общего положения об отбытии помещикам работ. В это время из толпы крестьян раздались дерзкие выкрики, что положение это не то, в селе Высоком священник читал совсем другой указ, который дает им совершенную волю, и на работу крестьянеходить не должны. Толпа взорвалась и зашумела. Крестьяне намеревались сличить выданный им экземпляр положений с экземпляром в соседних селах и деревнях, а до этого на работы к помещику решили неходить.

Всё это время крестьяне села Черногай ездили по всем соседним с ними имениям и распространяли слух о том, что Государь дал народу полную волю. А тот указ, что читают приставы и исправники с управляющими – это мошенничество, что никакой обязательной барщины в течение двух лет на

прежних хозяев в указе не прописано, а землю помещики обязаны отдать просто так.

Вскоре в «bastующим» крестьянам села Кандиевки присоединились крестьяне села Черкасского и деревни Ильинской. Никто не хотел быть «дураком»: раз соседи не работают, а мы что – рыжие?

8 апреля 1861 года несколько крестьян села Троицкого, сходив в село Высокое, по возвращении оттуда известили весь народ поднятием на шест красного платка (это событие вошло в историю мирового революционного движения как первое появление на исторической арене красного флага, ставшего позднее символом революционного движения в России и государственным флагом СССР). Шест укреплен был в колесо и положен на телегу, запряженную лошадью, кричали, чтобы народ шел к церкви выбивать волю. Собравшаяся толпа человек в 300, потребовала от священника Петра Сперанского «волю», грозя повесить его вверх ногами.

9 апреля 1861 года исправник Андреев и 10ая рота Тарутинского пехотного полка прибыли в деревню Черногай, где исправник призвал крестьян повиноваться Царской воле под угрозой наказания по закону. Исправник приказал ротному командиру арестовать некоторых из крестьян, замеченных в особом упорстве в неповиновении. Ротный командир взял этих людей под арест и посадил в особую избу. Но черногайские крестьяне с прибывшими к ним на помощь крестьянами из села Починки освободили арестованных, и те, разбив окна, смешались с толпой. Вся толпа, вооружившись кольями, бросилась на солдат, но те отбились прикладами ружей, сбив несколько человек с ног. В толпе раздались крики: «Убили!». Но снова арестовать зачинщиков не удалось, так как крестьян было человек 500, а солдат всего 80.

На следующий день крестьяне пожелали говорить с прибывшим в имением управляющим Пичугиным. На этот момент в село съехалось из соседних деревень огромное количество народу, примерно более 2х тысяч. Рота в это время находилась на двух дворах. После довольно

продолжительного разговора управляющего и исправника с крестьянами, они были окружены всем собравшимся народом, и вскоре послышался крик: «Бей, души их!». Тогда ротный командир приказал ударить сбор, и рота с трудом пробилась прикладами через толпу не помочь управляющему и исправнику.

Крестьяне начали наступать на солдат, держа в руках дубины и вилы. С соседних крыш в роту полетели камни. Командир приказал толпе остановится, но крестьяне набросились на солдат и офицеров.

Командиру ничего не оставалось, как отдать приказ «стрелять!». Грязну залп... Несколько человек упало. Рота, отстреливаясь, отступала к селу Ширяево. В руках разъяренной толпы остались исправник, управляющий Пичугин и приказчик Байков, а так же два солдата и один юнкер. Пристава солдаты отбили, он лишь получил удар дубиной по пояснице.

А исправника, управляющего и приказчика взбунтовавшийся народ заковал в кандалы.

Ротный командир решил позвать на помощь находящуюся неподалеку 9ую роту Тарутинского полка, но посланный за ней исправник Чернов был перехвачен в Починках и также закован в кандалы.

10 апреля на сходе крестьян села Кандиевки снова читали манифест и положения о крестьянах. Читал сам предводитель уездного дворянства. Но крестьяне опять не заявили, что манифест ложный. Уездный предводитель дворянства, исправник и становые приставы пытались вразумить народ. Но толпа оставалась непреклонной и отказывалась выходить на работы со словами: «Нас хоть вешай, но на помещика мы работать не будем. Оброк за землю готовы платить, но не помещику, а Государю».

Среди толпы выделялся один крестьянин небольшого роста в «желтом чепаке» с небольшою бородою как впоследствии выяснилось крестьянин села Высокого Кузьма Коровяков. Он наиболее рьяно подстрекал крестьян к неповиновению не только в с. Кандиевке, но и разъезжал с теми же целями по многим окрестным имениям. Когда толпе показалось, что становые

приставы пытаются задержать его как главного заслуженного, она, числом около 3000 человек, кинулась на его защиту. Некоторые схватились за лошадей, которые были запряжены в дроги, на которых сидел предводитель, другие схватились за палки. Предводитель и сопровождавшие его лица от греха подальше спрятались в конторский дом. В толпе народа шли разговоры о том, что в д. Шабловке Чембарского уезда в имении графа Уварова была рота в 60 человек, убили там четырех крестьян, восьмерых ранили, а крестьяне отбили у солдат ружья и убили двух солдат. Показывая горсть пуль, крестьяне говорили становому приставу: «Это ваша братия так делает».

Ходили слухи, что и в Поиме крестьянам объявили вольную, «в коей не позволено повиноваться помещикам, а если попадутся по дороге земские чиновники, бить их и на том же месте закапывать, помещики с крестьянами теперь равны, и где господские дома находятся не внутри селения, а отдельно, то жечь их с людьми в них живущими». Слухи эти распространял все тот же старик из села Высокого.

Час от часу толпа народа в Кандиевке увеличивалась, прибывали крестьяне из соседних сел. 11 апреля она уже насчитывала около 7 тысяч человек. Многие были вооружены топорами и палками и требовали к себе предводителя дворянства. Но тот счел за лучшее от встречи с крестьянами отказаться.

Александр II получив донесения о бунтах в Керенском и Чембарском уездах Пензенской губернии, прислал в губернию своего Генерал-Адъютанта Яфимовича, наделив его очень высокими полномочиями и повелев пензенскому губернатору графу Егору Петровичу Толстому в точности исполнять его приказания. Вместе с Яфимовичем в Пензенскую губернию был так же направлен генерал-майор Дренякин.

Его-то и послали в Кандиевку для усмирения взбунтовавшихся крестьян, наделив его правом лично вершить суд на месте.

13 апреля в Поим, Кандиевку и Черногай было выдвинуто несколько рот, которые должны были навести там порядок, после этого туда должен был прибыть и сам генерал-майор Дренякин.

16 апреля генералу Дренякину сообщили, что «меры кротости подействовали на бунтующих и что виновники захвачены».

В отчете посланном генерал-майором Дренякиным Государю Императору 18 апреля 1861 года он пишет:

«С сокрушенным сердцем всеподданнейше доношу. Сегодня вынужден был употребить 41 пулю против бунтовавшихся в селе Кандиевке – гнезде возмущения, убито 8, ранено 26, но не повиновались; удалось захватить толпу с разных сел трех уездов, 410 человек и только после наказания главных зчинщиков первой категории шпицрутенами 29, второй категории – розгами 16, остальные покорились, кажется чистосердечно, и прощены.

Казанцы и тарутинцы молодцы и верны присяге. Повергаю мои прискорбные действия к стопам Вашего величества и испрашиваю благословления о представлении к наградам всех чинов, быстро действовавших со мною на многих пунктах».

23 апреля граф Толстой телеграфирует министру внутренних дел:

«Известия Дренякина благоприятны. После наказания виновных народ разумился, порядок водворен, Пензенская губерния теперь спокойна».

81 человек из бунтовщиков были осуждены: самые отъявленные сосланы в Сибирь на рудники и поселение, другие в Пензенский смирительный дом и на военную службу. Заваривший всю эту кашу священник Померанцев был отправлен в ссылку в Соловецкий монастырь Архангельской губернии.